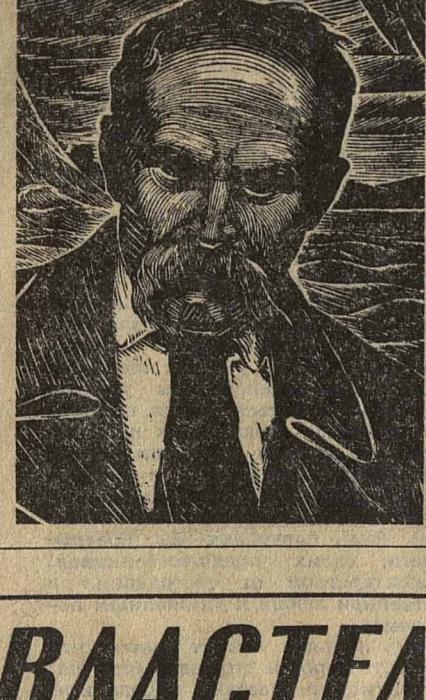

Соф. Роговий - 1959. - 10 марта

К 175-летию со дня рождения великого Кобзаря Тараса ШЕВЧЕНКО

КАЖЕТСЯ, мы знаем о нем все. Еще со школьной скамьи. И о горькой доле его, родившегося в 1814 году недалеко от Киева, в селе Моринцы, в семье крепостных помещика Энгельгардта, оставшегося в одиннадцать лет круглым сиротой, выучившегося читать по букварю и псалтырю у вечно пьяного приходского дьячка, затем попавшего в прославленное «малюрами-иконописцами» село Тарасовку и приобщившегося там к живописному делу. И, конечно же, знаем мы о том, как в 1831 году барин его, Энгельгардт, увез юношеского крепостного в Петербург и отдал «в аренду» на четыре года живописных дел мастеру Ширяеву, чтобы иметь при себе потом талантливого подневольного художника.

О Тарасе Шевченко известно еще, что в Петербурге в его судьбе приняли участие украинский художник Сокол и такие корифеи русской культуры, как живописцы Венецианов и Брюллов, поэт Жуковский, которые и попытались выкупить талантливого юношу у помещика. Энгельгардт замолил невиданную по тем временам сумму в 2500 рублей! Карл Брюллов

Кажется, это о нем писал уже наш современник, замечательный испанский поэт Мигель де Унамуно:

...Взял эту книгу, ты берешь жену. И если дрожь по коже, то знай, читатель, это тоже тебя моя колотит дрожь.

Поистине это так. Вспоминаю неизвестно начало пятидесятых годов, свою юность в небольшом уральском городке Миассе, когда в нашем студенческом общежитии геологоразведочного техникума появился высокий чубатый парень Петро Фурман, чья родословная тянулась к украинским чумакам, возвившим соль из Таврии (фамилия его — Фурман — означает «возчик»). Помню его негромкий голос, выводивший слова и мелодию старой чумашкой песни: «Засинели издалече старые курганы...» То была одна из любимых песен Тараса Шевченко. Петро возил всюду с собой запрятанную книгу — «Кобзарь». Доставал ее бережно, читал по-украински, поражал нас (а в нашей группе учились представители чуть ли не десяти национальностей) певучестью и

дед писателя, тоже переживший николаевскую солдатчину в тех же местах, любивший поговорить о ссыльном поэте, вспоминал, как Шевченко посадил в той засушливой земле прут вербы, которым забили одного из солдат, в память о нем, и выросло «на кроны на беднякской застакийской земле». Может, и по нынешний день шумят оно зелеными листьями на жарком маньшлакском ветру? Во всяком случае, Паустовский написал, отталкиваясь от этого, одну из чудесных своих повестей, называя ее «Гарас Шевченко».

А еще через десять лет, в 1974 году, беседуя для газеты с Мариэтой Сергеевной Шагинян о предстоящем 180-летии Т. Шевченко, я вдруг увидел, как вдохновленно загорелись ее глаза, с какой поразительной глубиной знаний она рассказывала мне о Шевченко-художнике, о загадке его автопортретов, о его дружбе с великим актером (тоже — из крепостных) М. С. Щепкиным, с композитором С. Гулак-Артемовским, о встречах и неожиданной дружбе с великим актером — негром Айрой Ольриджем, о том, как мастерски владел сценическим словом сам поэт, написавший одну из классических пьес украинского театра — драму «Назар Стодоля» (его чтение так любил слушать Карл Брюллов!).

Иными глазами читал я после этого прекрасную повесть Шевченко «Художник»: она автобиографична от начала и до конца, дает представление о Брюлове гораздо более живое и богатое, нежели иные пухлые монографии о великом русском живописце. Именно М. Шагинян помогла увидеть и особую музыкальность и живописность шевченковских повестей, долгое время остававшихся незаслуженно забытыми, неоцененными (двадцать семь лет после смерти поэта пролежали его прозаические повести в архиве историка Н. Костомарова, а часть их оказалась утраченной навсегда). Между тем повести эти, написанные в годы ссылки, несут в себе огромный и бесценный биографический материал: вчитайтесь сегодня в его «Княгиню», посвященную другу поэту ссыльному Б. Залесскому, в «Близнецам», «Несчастному», «Музыканту»...

— Шевченко предстает в своих повестях как глубоко народный, реалистический писатель, — говорила Мариэтта Сергеевна. — Он отразил в себе встречное влияние двух боровщихся направлений в русской литературе — романтико-приоритического, связанныго с именем Марлинского, и реалистического, созданного Гоголем. И дальше рasti ему вместе со всей литературой не пришло, ссылка вывела его из общества.

Быть может, сам того не ведая, в своих прозаических произведениях Шевченко работал на «последогевскую школу» в русской литературе, внося свой вклад в сближение русского и украинского народов, обличая крепостничество, срываю с него маску благопристойности и ханжества. Недаром в своей замечательной исповеди «Три года» он скажет:

И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул,
Молчав нету мочи!
Всруг меня не люди, — змеи,
Только змеи злы...

ПОЭТ, беллетрист, живописец, музыкант, композитор, актер, драматург, архитектор, скульптор — можно только изумляться его разносторонности интересов и дарований. Целая академия в одном человеке! Как верно сказал о нем его верный ученик и наследник Иван Франко: «Он был сыном мужика и стал властелином в царстве духа». К мнению Шевченко прислушивались талантливые художники. Известно, как дорожил его дружбой Карл Брюллов. Тонкий художественный вкус вчерашнего крепостного ценили актеры и музыканты. Он был выразителем дум и чаяний целой эпохи.

Нет памяти благодарнее, чем народная. В своем «Дневнике» Шевченко записал такие строки: «Пишу не для мгновенной славы...»

Будучи современником своей эпохи, он прозорливо вглядывался и в будущее. Он жил верой:

Оживут озера, степи,
И не столовые,
А широкие, как вола,
Дороги святые
Оползут мир, не същет
Тех дорог владыка,
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся
друг с другом
В радости веселой,
И пустыней овладеют
Веселые села...

Да, сегодня каждый из нас открыл Тараса Шевченко по-своему. Он поистине неисчерпаем.

Юрий ЧЕРЕПАНОВ.

СТАЛ ВЛАСТЕЛИНОМ В ЦАРСТВЕ ДУХА

написал портрет В. Жуковского, который был разыгран в лотерее. Вырученные от нее деньги и принесли 12 апреля 1838 года желанную свободу Тарасу Шевченко.

Брюллов взял его к себе в живописный класс в Академии художеств, относился к нему, как к любимому своему ученику, ввел в круг своих знакомств, приобщал к великим образцам мировой и отечественной культуры. Но ученик его не только овладевал тайнами живописного искусства, но и приобщался к литературе. «Я занимался тогда, — писал позднее в своем «Дневнике» Т. Шевченко, — сочинением малороссийских стихов, которые впоследствии упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу... Я хорошо понимал, что живопись — моя будущая профессия, мой наущенный хлеб. И вместо того, чтобы изучать ее глубокие таинства... я сочинял стихи, за которые мне никто ни гроша не заплатил и которые, наконец, лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное прашение, я все-таки втихомолку кроплю».

Да, получив три серебряные медали за свои живописные работы, за-кончив с блеском Академию художеств в 1845 году, выпустив в 1840 году свой знаменитый сборник стихов «Кобзарь», давший начало новой украинской литературе, Тарас Шевченко вскоре вновь лишился свободы. За революционные и подстрекательские стихи, распространявшиеся на Украине, его арестовывали под Киевом 5 апреля 1847 года, отправляли в Петербург. После тяжелых жандармских допросов следут беспощадный приговор. Николай I собственоручно подписывает его: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

Так начинается одна из мрачных страниц жизни Шевченко — в сопровождении жандарма его доставляют в Оренбург, где определяют рядовым в 5-й батальон Орской крепости. Девять лет три месяца и 27 дней проходил он жестокую школу жизни бесправного солдата царской армии — ее бесчеловечными наказаниями, шпионажем и колодками, унижениями. Тяжесть ссылки помогала ему переносить товарищи по солдатинам, общение с передовыми людьми России, Украины, делившие с ним тяжесть подневольного житья революционеры-ссыльные С. Сераковский, Я. Станевич, Б. Залесский, петрашевцы А. Макшеев, М. Михайлов, поэт А. Плещеев. Несмотря на запрет, он много рисует, пишет стихи, называя свою поэзию «невольничьей музой». Нет, ссылка, чудовищный полицейский гнет, бесправие, жестокость солдатчины в феодально-крепостническом обществе не сломали революционного характера его поэзии, наоборот, еще более укрепили поэта в правоте служения делу освобождения народа. И не только украинского. Он становится подлинным интернационалистом. Певцом всех угнетенных наций. В том числе и русского народа.

ПОСЛЕ смерти Николая I, быть может, впервые забрезжила надежда для него обрести желанную свободу. Но «либеральный» Александр II, вступивший на престол, не мог

скрыть своей ненависти к «мужицкому» трибуналу. Не раз друзья Шевченко, передовные люди России, предпринимали попытки освобождения позитивным стариком (этот в 43 года-то!) он получает наконец долгожданную свободу... Но еще долгих, томительных семи месяцев ждет разрешения вернуться в столицу. 27 марта 1858 года Шевченко вновь появляется в Петербурге, живет в здании Академии художеств, осваивает искусство сфорта и в 1860 году получает звание академика гравюры.

В Петербурге поэт сближается с Чернышевским и его кругом. Близкий к Чернышевскому географ А. Макшеев писал: «...Шевченко чутко носили на руках, он сделался знаменитостью». «Он — поэт совершенного народного», — подтверждал Добролюбов. — У Шевченко... весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслило, но обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан». И закономерно, что поэт в эти годы входит в кружок русских революционных демократов, объединявшихся вокруг журнала «Современник» и Чернышевского. Не только узы личной дружбы, но и общность революционных целей связывают его с самыми передовыми людьми России. Поистине захватывающими были его планы — литературные, художественные, он мечтал об украинском журнале, органе революционно-демократических идей, о создании учебника для народных школ, он ощущал грядущее и подлинное освобождение народа от угнетателей. Но дни его были уже сочтены — 10 марта 1861 года перестало биться сердце великого Кобзаря...

КАЗАЛОСЬ бы, все это — хрестоматийное — знакомо нам со школьной скамьи. Но отчего же всякий раз, когда мы открываем его книги — сборники стихов и поэм, вчитываемся в строки его «Дневника» или в страницы замечательных повестей (они так же, как и «Дневник», написаны Шевченко по-русски) — то была его дань великому братскому народу), нас не покидает ощущение нового открытия поэта? Не покидает ощущение, что вместе с книгой ты берешь на ладонь его горячее, пульсирующее сердце.

КАЗАЛОСЬ бы, все это — хрестоматийное — знакомо нам со школьной скамьи. Но отчего же всякий раз, когда мы открываем его книги — сборники стихов и поэм, вчитываемся в строки его «Дневника» или в страницы замечательных повестей (они так же, как и «Дневник», написаны Шевченко по-русски) — то была его дань великому братскому народу), нас не покидает ощущение нового открытия поэта? Не покидает ощущение, что вместе с книгой ты берешь на ладонь его горячее, пульсирующее сердце.

ПОСЛЕ смерти Николая I, быть может, впервые забрезжила надежда для него обрести желанную свободу. Но «либеральный» Александр II, вступивший на престол, не мог

самоцветностью народного слова, по-разительной его музыкой, богатством интонаций.

Украинская «мова» входила в нашу жизнь, как родная. «Нет, — говорил нам Петро, — Шевченко так читать нельзя». И он уводил нас в горы, в лес, наполненный солнечным светом и птичьим гомоном, забирался на лобастые каменные вершины у прозрачного озера Малый Еланчик, и тогда там, во весь голос, совсем по-иному звучали стихи Шевченко, словно сливающиеся с величием окружающей природы:

Святая родина! Святая!
Иначе как ее назвать!
Ту землю милую, родную,
Где мы родились, росли
И в колыбели полюбли
Родные песни старины...
В ком нет любви
к стране родной,
Те сердца нынешние калеки
Ничтожные в своих делах...

Потом я нашел, что строки драмы «Никита Гайдай» Шевченко написал по-русски, под влиянием поэзии К. Рылеева «Война и мир» и «Наливайко». И это тоже было выражением его вольнолюбивых, интернационалистических дум.

Может быть, тогда, слушая стихи и поэзии Тараса Шевченко, читал его в подлиннике, а затем и в замечательных переводах, я впервые подумал, что подлинное освобождение поэта произошло после Великого Октября. Благодаря русским переводам его поэзии сразу же шагнула к читателям нашей страны. Только подумать: его переводили лучшие поэты России — А. Твардовский, М. Исаковский, Н. Асеев, Н. Ушаков, В. Державин, Ф. Сологуб, Н. Тихонов, А. Сурков, А. Прокофьев, В. Рождественский, П. Антокольский, В. Инбер, В. Луговской, А. Безыменский, Н. Браун!

Потом, годы спустя, я открывал для себя, каким, порой самым неожиданным образом судьба Шевченко тесно переплеталась с судьбами разных людей. В 1984 году, рассказывая Константину Георгиевичу Паустовскому о своих геологических странствиях, я узнал от него, что, сам того не ведая, побывал в местах, где пропел с экспедицией географа А. Бутакова, обследовавший Аравское море, подневольный солдат Тарас Шевченко, что

Хата родителей Шевченко.

Рисунок Т. Г. Шевченко.

В семье вольной, новой

КИЕВ, 9 марта. (Корр. ТАСС).

В семье вольной, новой, о которой мечтал великий Кобзарь, отмечает Советская Украина 175-летие со дня рождения Тараса Шевченко. Юбилейный даты был посвящен торжественный вечер, состоявшийся сегодня, в день рождения поэта-революционера, в столице республики.

На стихотворениях Кобзаря, так же, как и на произведениях Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, закалялась воля целых поколений революционеров. Они питали дух тех, кто под руководством созданной Ленинским партии большевиков проложил человечеству дорогу в новую жизнь. Удивительная особенность духовного наследия Т. Г. Шевченко состоит в том, что оно словно углубляется и обновляется, становится все более нужным людям именно на крутых поворотах истории. Так происходит и сейчас, во время революционной перестройки, в которой

осуществляются процессы совершенствования межнациональных отношений.

Нет сомнения, сказал в заключение первый секретарь ЦК Компартии Украины, что шевченковский год будет способствовать укреплению ленинской дружбы народов, помогать использовать гуманистические идеи поэта-демократа в деле утверждения нового политического мышления на международной арене, развития культурных связей с общественностью зарубежных стран.

Т. Г. Шевченко, отметил в своем выступлении секретарь правления Союза писателей Украины, лауреат Государственной премии СССР поэту Борису Олейнику, — всегда современен. Его неопалимая вера в «семью вольную, новую и укрепленную духом Кобзаря».

Шевченко, что он стал поглощенным первоисточниками характера родного народа, разделил национальные и общечеловеческие ценности.

Слово поэта звучит по-

всей нашей необъятной Родине, его стихи читаются и учат во многих странах мира. Об этом говорили другие украинские деятели культуры, их коллеги из других городов страны, зарубежные гости.

Вдохновенная поэзия Тараса Шевченко, музыкальные и драматические произведения, созданные по его поэмам и стихам, украсили концерт мастеров искусств.

Участники юбилейных торжеств возложили яркие гвоздики и тюльпаны к подножию памятника Кобзарю, который висит в центре города. Перед ними распахнули двери Государственного музе